

- Странно, что они еще не улетели на зиму.

Джойс Нагроски взглянула на спутника. Тот стоял на краю пруда, отламывал маленькие кусочки от ломтя белого хлеба и бросал в воду. С полдюжины уток собрались около берега, и каждый раз, когда рядом падал кусочек, они вытягивали шеи со скоростью броска змеи и хватали угощение округлыми клювами. Едва хлеб исчезал, утки таращились на людей, жадно и нетерпеливо ожидая следующей подачи.

- Не все утки улетают зимой на юг, - сказала Джойс. - Если не настолько холодно, что лапы замерзают, они могут спокойно дотянуть до весны.

Тед, весело улыбаясь, повернулся к ней:

- А я думал, ты ушла на пенсию. И потом, ты вела английский, а не биологию.

Джойс не смогла сдержать смех:

- Наверное, если человек был всезнайкой, таким и останется.

Даже в свои шестьдесят с лишним Тед Бойкин оставался привлекательным: густая шапка белых волос, подстриженная бородка в тон и изумительные голубые глаза. Когда Тед был директором школы, где работала Джойс, он был гладко выбрит, и пусть Джойс обычно относилась равнодушно к растительности на лице, ей нравился проказливый вид, который ему придавала бородка. Джойс проработала с этим человеком больше двадцати лет, но хотя она уважала его и даже в некотором смысле считала своим другом, влюблена не была. И вот как все обернулось. Жизнь, несомненно, выделяет забавные штуки. Иногда прямо-таки до истерики.

Стоял вечер раннего ноября, и хотя днем было более или менее тепло, теперь, когда солнце склонилось к горизонту, становилось холодно. Тед в своей коричневой куртке чувствовал себя вполне комфортно, а вот Джойс перед выходом надела синюю ветровку, и та не особо спасала от зябкости, тем более под ней была только футболка. Джойс жалела, что не захватила из квартиры хотя бы шапку или шарф.

«Откуда такая внезапная тупоголовость, дорогая? - спрашивала она себя. - Не потому ли, что ты капельку разволновалась перед randevу с мистером Бойкином возле утиног пруда?»

Джойс хотелось убедить себя, что эта мысль смехотворна. Ради бога, она же не маленькая. Отнюдь не маленькая, если честно, пусть не ростом, так по меньшей мере вширь. А пруд едва ли подходит на роль аллеи влюбленных. И все же, она не могла не признать, что какая-то неловкость присутствовала. Джойс была одинока вот уже несколько лет с тех пор, как умер муж, и хотя она по нему скучала, за все это время ни разу не почувствовала желания подыскать замену. Но неделю назад она столкнулась с Тедом - чуть ли не в буквальном смысле. Она задним ходом выезжала в своем «Вольво» со стоянки перед домом, а Тед в это же время проезжал перед зданием. Он едва успел остановить «Бронко» вовремя, чтобы не вмазаться ей в задок (прислушайтесь к фразе!), и вот тогда-то они и обнаружили, что после смерти супругов оба продали дома и переехали в жилой комплекс Арбор Вейли. Оказалось, что Тед обрелся в соседнем здании уже два года, и никто из них не догадывался, что другой совсем рядом. Мир тесен, и все такое.

На следующий день они встретились за ленчем, а чуть позже - за ужином. За последнюю неделю они встречались не раз, и Тед все это время вел себя, как истинный джентльмен: не пытался ее поцеловать и даже за руку не брал. Честно говоря, Джойс это даже поднадоело.

Она хотела, чтобы Тед сдвинулся уже с мертвой точки. Сама она была отнюдь не скромницей и сделала бы уже первый шаг, если б Тед не вел себя так осторожно. Джойс отнюдь не хотела отпугнуть его излишней прямоотой, типа «Как думаешь, не пора ли заняться сексом? Мы все же не молодеем». Почему-то она полагала, что такое не пройдет.

Джойс заправила черную прядь за ухо, хотя нужды в этом не было. Воздух оставался неподвижным, а ее волосы были такой длины, что растрепаться могли едва ли. С самого детства Джойс была эдакой девчонкой-сорванцом, и сейчас, когда ей не приходилось прилично одеваться на работу, вернулась к тому же стилю. Она предпочитала простую одежду – футболку и джинсы – и не пользовалась косметикой. С недавней поры Джойс начала коллекционировать украшения, покупая их на аукционах и распродажах, по причине, которую не могла объяснить даже себе, но купленное носила редко. Надо было сегодня что-нибудь надеть. Может, если бы Тед нашел ее более женственной, то не держал бы на расстоянии вытянутой руки.

«Или он все еще переживает потерю жены? – задалась вопросом Джойс. – Или по-прежнему видит меня учительницей, а не женщиной?»

И сама удивилась, насколько последняя вероятность угнетала ее.

Пруд располагался за зданиями, у подножия пологого травянистого холма. На другой стороне рос лес из дубов, вязов и рябин, и листья их представляли собой великолепную смесь желтого, красного и коричневого. Листья пока большей частью держались на месте, но Джойс знала, что не за горами время, когда они начнут опадать. Еще неделя или две. Она считала осень своим любимым временем года: отчасти потому, что начинались школьные занятия, отчасти из-за энергии, наполняющей морозный воздух. Прекрасный парадокс: хотя мир готовился к временной смерти, принесенной зимой (чтобы воскреснуть весной), он казался – ей, по крайней мере – живее, чем всегда.

«К черту, – подумала Джойс. – Жизнь для живых».

Она шагнула к Теду и взяла его за руку. Она почувствовала, как он напрягся, и испугалась, что он сейчас выдернет руку, но Тед расслабился и крепко сжал ее пальцы. Джойс на него не смотрела, и Тед на нее не смотрел, но они оба улыбались, глядя на воду. Тед бросил в пруд оставшийся хлеб, и утки еще некоторое время сновали поблизости в надежде на добавку, но вскоре смирились с разочарованием. Джойс любовалась отражением деревьев с другого берега, которое расплывалось по воде, словно чернила. Она гадала, каковы шансы на то, что Тед поцелует ее позже, а то и на большее, когда услышала тихий хриплый вой. Она вздрогнула от страха и стиснула пальцы Теда.

Утки встревоженно закрикали, отплыли от берега и одна за другой поднялись в небо, изо всех сил молотя крыльями.

Снова раздался этот звук: низкий рев, будто мотору грузовика срочно понадобился ремонт, только на этот раз громче. И ближе. Звук доносился справа, и когда Тед и Джойс оглянулись, то увидели, как из леса появилась и направилась к ним большая темная фигура на четырех ногах. Двигалось существо с медленной зловещей неспешностью хищника, и Джойс сперва решила, что это койот. За последние годы эти животные появились в Огайо, и хотя распространенными отнюдь не стали, их тут жило больше, чем многие полагали. Джойс никогда не видела живого койота, если не считать телевидение и зоопарк. Эти звери мастерски скрывались и предпочитали при любой возможности избегать людей. Она видела здесь только одного койота – тот лежал замертво на обочине шоссе, сбитый машиной. Джойс

еще тогда удивилась, потому что не ожидала, что они такие крупные. Местные койоты были лохматее пустынных сородичей, потому, наверное, и выглядели больше.

Джойс быстро отмела свое предположение насчет койота. Что-то с этим существом было не так. Сумерки окутывали его, превращая в двигающуюся тень с неверной шатающейся походкой, будто животное было ранено. Но в рычании, которое оно издавало, не слышалось боли, скорее голод пополам с почти человеческой злобой. Волк? Насколько Джойс знала, в Огайо волки не водились. Не на воле, по крайней мере. Может, этого держали в качестве домашней зверушки, а потом он сбежал или его почему-то отпустили. Но в очертаниях зверя не было хищной грации волка, он скорее напоминал собаку.

А потом до Джойс донесся запах, густая вонь мускуса и гниения, от которой подкатило к горлу.

«Боже правый, что это за тварь?»

– Все хорошо, – проговорил Тед.

Его голос дрожал, но он отпустил ладонь Джойс и стал между женщиной и приближающимся созданием. Обычно она терпеть не могла мужчин, которые обращались с ней, будто она какой-то нежный цветок, требующий защиты, но это... это существо вызвало в ней такой глубокий атавистический страх, что она была благодарна Теду за этот поступок. Наверное, Тед поступил так и для себя, не только для нее. В бытность свою директором он привык быть за все в ответе и разбираться с проблемами. Подобное поведение было его эдакой настройкой по умолчанию, успокаивающей ролью, которую он мог взять на себя в сложной ситуации.

И хотя Джойс ценила его поступок, инстинкты подсказывали ей, что затея неважная. Очень неважная.

Она положила руку Теду на плечо:

– Пожалуйста, не надо.

Тед будто и не расслышал. Вместо этого он шагнул вперед, вытянулся во весь рост, чуть развел руки и сжал кулаки.

«Он пытается казаться крупнее, – сообразила Джойс. – Выглядеть более угрожающим». Ей стало интересно, делал ли он нечто подобное в старшей школе, имея дело с потенциально опасными парнями-подростками. Но где-то, кажется, писали, что становиться лицом к лицу к собаке и устанавливать зрительный контакт считается брошенным вызовом. В таком случае...

Тварь рванулась вперед, ее несоразмерные конечности двигались с удивительной скоростью, а громовое рычание почти превратилось в рев. Она метнулась так быстро, что в тусклом освещении Джойс разглядела только самые основные детали ее нелепого тела: ноги разного размера, единственное рваное ухо, голую кожу сменяющую клочки шерсти и, что хуже всего, горбатую морду с пастью, наполненной острыми зубами, которых было куда больше, чем в состоянии вместить рот обычной собаки.

Оказавшись на расстоянии примерно метра от Теда, зверь прыгнул (бледный язык вывалился из кривой пасти) и, ударив его лапами в грудь, опрокинул и прижал к земле. Падение вышибло из него дух, и Джойс услышала хруст ломающегося ребра, а то и не одного. Сама она успела шагнуть в сторону и избежать падения. Теперь она стояла совсем рядом с Тедом, который боролся со странной собакой, размерами и массивностью напоминающей сенбернара, но явно не принадлежащей к этой породе. Тварь рычала и щелкала зубами, намереваясь сомкнуть

челюсти на горле Теда, а тот обхватил пса за шею, пытаясь удержать его пасть на расстоянии. Тед гримасничал, руки его дрожали от напряжения. Собака была такой крупной, что большинство мужчин не смогли бы с ней справиться, а вся сила, которой Тед обладал в юности, давно ушла. Сейчас он мог полагаться только на адреналин и чистую силу воли, но Джойс понимала, что этого совсем недостаточно. Она боялась, что осталось несколько минут, если не секунд, перед тем, как гигантская псина переборет его, доберется до шеи и в брызгах крови разорвет горло.

Часть ее – примитивная животная часть, заинтересованная лишь в самосохранении любой ценой – больше всего на свете хотела развернуться и убежать с максимально возможной для ее отнюдь не стройных ног скоростью. На самом деле, сама того не понимая, Джойс уже наполовину развернулась и сделала шаг прочь от пруда. Но тут же заставила себя вернуться. Она бы никогда не простила себе, что убежала и оставила Теда умирать. Надо как-то помочь ему, но как? Джойс не могла просто схватиться со зверем, а из оружия, если можно так сказать, у нее имелся лишь чересчур острый порой язык, с помощью которого она поставила на место не одного ленивого ученика. Поэтому, за отсутствием в своем арсенале чего-то более подходящего, она набрала воздуха и голосом, который коллега как-то назвал «Голос Непререкаемого Авторитета», выкрикнула одно-единственное слово:

– Фу!!!

В зябком осеннем воздухе это слово прозвучало, словно удар кнута, и над прудом откликнулось эхо. Собакоподобное создание прекратило рычать, оглянулось и посмотрело на нее со смущением и, кажется, ноткой страха во взгляде. Джойс показалось, что она этим словом затронула что-то в самой глубине зверя, нечто, подсказывающее ему, что люди занимают более высокое звено эволюционной лестницы, а потому являются хозяевами. Тварь опустила взгляд, упрятала хвост – голый придаток, который бы сошел для гигантской крысы – между ног и тихо заскулила.

Тед, которого команда Джойс озадачила так же, как и собаку, ослабил хватку на шее животного. Внезапно верхняя губа несуразной твари обнажила зубы, а замешательство во взгляде сменилось ослепляющей яростью. Она стряхнула с себя руки Теда и с рычанием рванулась вперед.

Джойс завизжала, когда монструозная собака вонзила клыки в шею Теда и начала трясти его, как игрушку. Тед широко распахнул глаза от ужаса и боли, но из открытого рта не вырвалось ни звука. Через мгновение Джойс стало ясно почему: вверх взметнулась густая кровь. Она побежала из уголков рта Теда, окрасила его белые волосы алым и впиталась в землю. Джойс хотела завизжать снова, но вопль застрял в горле. Происходило что-то странное. Сначала она подумала, что дело в игре угасающего света, но бледно-розовая кожа Теда бледнела, приобретая синеvато-серый оттенок. Более того, сама кожа будто съеживалась, обтягивая кости, мышцы и жир таяли, и Тед на глазах превращался в мумию, только что без бинтов. Джойс нехотела вспомнить одно из последних путешествий, в которое они отправились с мужем до того, как рак поставил точку на подобных вылазках. Они разбили лагерь в Хокинг-Хиллс и вместо спальных мешков взяли внушительных размеров надувной матрас с насосом на батарейках, который надувал матрас за считанные секунды. Сдувался матрас таким же образом, и тогда он лежал совершенно плоский, чуть закручиваясь по краям, и его пересекали морщины. В точности так сейчас выглядел Тед: сдутый серый матрас со скелетом внутри.

Чудовищная собака не расцепляла челюстей, и Джойс увидела, что кровь, размазанная по лицу Теда и морде пса, тоже исчезает. Как будто тварь высосала жизненную энергию, втянула в себя и не собиралась отпускать Теда, пока не осушит его до последней капли. Наконец, она

высвободила зубы из иссушенной плоти и обратила внимание на Джойс.

Джойс услышала, как кто-то шепнул: «Беги!», и лишь момент спустя сообразила, что шепот принадлежит ей самой. Собственный голос помог ее преодолеть оцепенение, она повернулась и побежала.

Холм, на котором стояли здания, не был крутым, но Джойс была не в лучшей форме. В молодые годы ее физическая нагрузка включала в себя только ленивые прогулки по парку, а сейчас она разве что по антикварным магазинам ходила. Адреналин мог разве что компенсировать преимущественно сидячий образ жизни, сердце сбивчиво грохотало в ушах, а легкие горели, словно в огне. Ноги потяжелели и дрожали, и с каждым шагом все больше. Наконец, правое колено не выдержало, нога подвернулась, и Джойс упала. Она приземлилась на бок, проскользила пару метров вниз по склону и замерла. Так она и лежала: пульс бешено колотился, легкие изнывали, и не осталось больше никакой надежды сбежать от ужасного пса (можно подумать, надежда когда-нибудь была). Джойс зажмурилась и приготовилась к тому, что зубы твари вопьются в горло.

Но ничего не почувствовала.

Джойс открыла глаза и села. Оглянулась на пруд, гадая, что случилось. Может, тварь что-то спугнуло? Или она просто наелась? На какой-то момент Джойс позволила себе надеяться, что выживет, но потом увидела чудовище. Тварь сидела около трупа Теда и смотрела на нее, очень по-собачьи склонив голову набок. Джойс сразу поняла, что происходит, и догадка ввергла ее в отчаяние. Пес не преследовал ее, потому что ему это было незачем. Она была слишком медлительная, старая и полная, чтобы сбежать. Тварь всего лишь подождала, пока она выбьется из сил, и в итоге так оно и вышло.

Под ее взглядом огромный уродливый зверь неспешно приближался на своих неровных ногах, бесцветный язык болтался из пасти, а в глазах горел ужасный нечеловеческий голод.

Джойс еще кричала, но недолго.

<http://tl.rulate.ru/book/6711/123509>